

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2023.12764

EDN: NMSZOT

Пасхальное измерение медицинской темы Достоевского

В. Н. Захаров

*Петрозаводский государственный университет
(г. Петрозаводск, Российская Федерация)*

e-mail: vnz01@yandex.ru

Аннотация. Медицинская тема в творчестве Достоевского привлекла внимание критиков уже во время его литературного дебюта. Читателей потрясли антропологические открытия в романе «Бедные люди», впечатлили медицинские аспекты петербургских повестей и романов 1840-х гг. Достоевский обладал обширными медицинскими знаниями, знал симптомы разных болезней, шутивно лечил своих героев. Уже в первом его романе была выражена идея восстановления в человеке человека, сотворения в Макаре Девушкине гения. Перерождение убеждений писателя на каторге привело к эволюции его взглядов, выраженной в политической лирике 1854–1856 гг., Сибирской тетради, эпистолярном наследии. Пасхальная идея стала ключевой в идеологии и творчестве Достоевского от «Записок из Мертвого Дома» до «Братьев Карамазовых» и «Дневника Писателя». Ее выражение в поэтике своеобразно. В Священном Писании и Предании мертвые иногда воскресают. Непреложна религиозная истина: Христос воскрес, душа бессмертна, по прошествии сроков воскреснут умершие. В романах Достоевского смерть не являет чудо. Врачи не воскрешают умерших. Воскрешает Христос. Воскрешают автор и умершие герои романов. Таков парадоксальный эффект: мертвые воскрешают живых. «Полный реализм» Достоевского не предполагает посмертных чудес. В романах Достоевского действует одна и та же модель творчества, как, например, в романе «Братьях Карамазовы». Скончался брат Маркел — но утвердился в служении Христу Зосима; в главе «Глетворный дух» старец почил — но восстал и воскрес Алеша Карамазов в «Кане Галилейской»; не воскрес Илюша Снегирев — но обрели истину и смысл будущего бытия Алеша и мальчики. Парадоксальная поэтика романа исчерпывающе характеризует христианский реализм Достоевского.

Ключевые слова: Достоевский, медицина, болезнь, смерть, Пасха, воскресение, Писание, Предание, полный реализм, христианский реализм, роман

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда РФ в рамках научного проекта № 21-18-00481 [Электронный ресурс]. URL: <https://rscf.ru/project/21-18-00481/>, ИРЛИ РАН.

Для цитирования: Захаров В. Н. Пасхальное измерение медицинской темы Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2023. Т. 21. № 3. С. 46–61. DOI: 10.15393/j9.art.2023.12764. EDN: NMSZOT

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2023.12764

EDN: NMSZOT

The Easter Dimension of Dostoevsky's Medical Theme

Vladimir N. Zakharov

*Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)*

e-mail: vnz01@yandex.ru

Abstract. The medical theme in Dostoevsky's work attracted the attention of critics already during his literary debut. Readers were shocked by the anthropological discoveries in the novel "Poor People," impressed by the medical aspects of St. Petersburg novels and novels of the 1840s. Dostoevsky had extensive medical knowledge, knew the symptoms of various diseases, jokingly treated his heroes. Already in his first novel, the idea of restoring man in man, creating genius in Makar Devushkin, was expressed. The rebirth of the writer's beliefs in penal servitude led to the evolution of his views, expressed in the political lyrics of 1854–1856, the Siberian Notebook, epistolary heritage. The Easter idea became a key one in Dostoevsky's ideology and creativity, from "Notes from the Dead House" to "The Brothers Karamazov" and "The Writer's Diary". Its expression in poetics is peculiar. In Holy Scripture and Tradition, the dead sometimes rise again. The religious truth is immutable: Christ is risen, the soul is immortal, after the time has passed, the dead will rise again. In Dostoevsky's novels, death is not a miracle. Doctors don't resurrect the dead. Christ resurrects. The author and the deceased heroes of the novels are resurrected. This is the paradoxical effect: the dead resurrect the living. Dostoevsky's "full realism" does not imply posthumous miracles. In Dostoevsky's novels, the same model of creativity operates, as, for example, in the novel "The Brothers Karamazov". Brother Markel died, but Zosima was confirmed in the service of Christ; in the chapter "The Corrupting Spirit" the elder rested, but Alyosha Karamazov rose and rose in the "Cana of Galilee;" Ilyusha Snegirev did not rise, but Alyosha and the boys found the truth and meaning of their future existence. The paradoxical poetics of the novel exhaustively characterizes Dostoevsky's Christian realism.

Keywords: Dostoevsky, medicine, illness, death, Easter, resurrection, scripture, legend, full realism, Christian realism, novel

Acknowledgments. The reported study was funded by Russian Science Foundation (RSF), project number № 21-18-00481. Available at: <https://rscf.ru/project/21-18-00481/>, The Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom) of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Zakharov V. N. The Easter Dimension of Dostoevsky's Medical Theme. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2023, vol. 21, no. 3, pp. 46–61. DOI: 10.15393/j9.art.2023.12764. EDN: NMSZOT (In Russ.)

.....

Идея воскресения из мертвых была высказана Достоевским сразу после выхода из каторги в стихотворении «На Европейские события в 1854 году»:

«Мы верою из мертвых воскресали...»¹.

«Мы» — это русские, «мы» — это Россия в годы исторических испытаний и Крымской войны.

О том, чем был для него выход из каторги, Достоевский писал брату Андрею из Семипалатинска 6 ноября 1854 г.:

«...выход из каторги представлялся мне прежде, как светлое пробуждение и воскресение в новую жизнь» (Д18; т. 151: 127).

На каторге Достоевский был обуреваем «страстным желанием воскресения, обновления, новой жизни» (Д18; т. 3: 159). Казалось, желание исполнилось в финале «Записок из Мертвого Дома»:

«Да с Богом! Свобода, новая жизнь, воскресение из мертвых... Экая славная минута!» (Д18; т. 3: 169).

В художественном тексте писатель ироничен, но судьба самого автора патетична: «В Сибири Достоевский обрел бесценный опыт: был заживо погребен в Мертвом Доме, узнал народ, проникся Образом и Словом Христа, принял Благоую Весть, воскрес из мертвых, стал новым человеком, сказал *новое слово* миру в критике, публицистике, творчестве, открыл читателям тайну человека, тайну истории, тайну России» [Захаров, 2021: 19].

Пасхальная идея стала ключевой в творчестве Достоевского от «Записок из Мертвого Дома», «Униженных и Оскорбленных», «Преступления и Наказания» до «Братьев Карамазовых» и «Дневника Писателя». В значительной мере она представлена в исследованиях [[Захаров, 1994а, 1994 б], [Есаулов, 1995, 1998], [Шульц: 5–14], [Есаулов, 2004], [Борисова, 2020], [Есаулов, Тарасов, Сытина], [Федорова], [Захаров, 2022а], [Захаров, 2022а,

¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 18 т. М.: Воскресенье. Т. 3. С. 8. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения Д18 и указанием тома (полутома — нижним индексом) и страницы в круглых скобках.

2022b], [Борисова, 2022, 2023], [Борисова, Бучнева], [Борисова, Шаулов] и др.

Пасхальна парадоксальная поэтика христианского реализма Достоевского.

Христианский реализм — это реализм, в котором *жив Бог, зримо присутствие Христа, явлено откровение Слова* (см.: [Захаров, 2001: 16]).

Какое значение эта идея имела в жизни и смерти героев Достоевского?

В Священном Писании и Предании иногда случается чудо: мертвые воскресают. *Непреложна религиозная истина: Христос воскрес, душа бессмертна, по прошествии сроков воскреснут умершие.*

В романах Достоевского смерть не являет чудо. Медицина бессильна. Врачи не воскрешают умерших. Чуда не случается. Чтобы явить чудо в романе, герой должен умереть. Он умирает, но не воскресает. Романый мир автора существует в эмпирическом хронотопе и обусловлен «законами природы». «Полный реализм» Достоевского не предполагает посмертных чудес.

Пасхальна идея «Записок из Мертвого Дома»: умирают замученные в Мертвом Доме и умершие в госпитале узники острога, но воскресают Александр Петрович Горянчиков, повествователь и герой «Записок», и их автор [Захаров, 2022a].

Нелли в «Униженных и Оскорбленных» не верит, что ее дедушка умер. Она видит его и Азорку во сне и наяву, считает, что тот по-прежнему ходит и просит милостыню. Она боится заснуть, «потому что дедушку увидит» (Д18; т. 4: 265). Иван Петрович пытается разуверить ее, что дедушка жив.

В канун Светлого Воскресения Нелли пытается помирить Ихменевых. Она напоминает им:

«Послезавтра Светлое Воскресенье, Христос воскрес, все целуются и обнимаются, все мирятся, все вины прощаются... Я ведь знаю...» (Д18; т. 4: 219).

Ей это удастся, но через две недели после цветочного праздника Нелли умирает, обречен и Иван Петрович.

Алеша Валковский грезит о том, что могло бы быть, если бы его Наташа «отчего-нибудь заболела и умерла»:

«И вот мало-помалу я стал воображать себе, что пришел будто я к тебе на могилу, упал на нее без памяти, обнял ее и замер в тоске. Вообразил я себе как бы я целовал эту могилу, звал бы тебя из нее, хоть на одну минуту, и молил бы у Бога чуда, чтоб ты хоть на одно мгновение воскресла бы передо мною; представилось мне, как бы я бросился обнимать тебя, прижал бы к себе, целовал и кажется умер бы тут от блаженства, что хоть одно мгновение мог еще раз, как прежде, обнять тебя. И когда я воображал себе это, мне вдруг подумалось: вот я на одно мгновение буду просить тебя у Бога, а между тем была же ты со мною шесть месяцев и в эти шесть месяцев сколько раз мы поссорились, сколько дней мы не говорили друг с другом! Целые дни мы были в ссоре и пренебрегали нашим счастьем, а тут только на одну минуту вызываю тебя из могилы и за эту минуту готов заплатить всею жизнью!...» (Д18; т. 4: 162–163).

Завершается этот воображаемый пассаж отчасти комическим снижением:

«Как вообразил я это все, я не мог выдержать и бросился к тебе скорей, прибежал сюда, а ты уж ждала меня и, когда мы обнялись после ссоры, помню, я так крепко прижал тебя к груди, как будто и в самом деле лишаюсь тебя. Наташа!» (Д18; т. 4: 163).

Воображение творит всё.

Встретив квартального надзирателя Никодима Фомича, Раскольников сообщил ему о смерти Мармеладова:

«Умер, — отвечал Раскольников. — Был доктор, был священник, всё в порядке. Не беспокойте очень бедную женщину, она и без того в чахотке. Ободрите ее, если чем можете... Ведь вы добрый отвечал человек, я знаю... — прибавил он с усмешкой, смотря ему прямо в глаза» (Д18; т. 7: 131).

Так выглядит смерть с эмпирической и административной точки зрения.

Таковы безжалостные «законы природы»:

«Как одолеть их, когда не победил их теперь даже Тот, Который побеждал и природу при жизни Своей, Которому она подчинялась, Который воскликнул: "*Талифа куми*", — и девица встала, "*Лазарь, гряди вон*", — и вышел умерший?» (Д18; т. 8: 306).

В поэме «Великий Инквизитор» Он воскресил умершее дитя:

«Процессия останавливается, гробик опускают на паперть к ногам Его. Он глядит с состраданием и уста Его тихо и еще раз произносят: "Талифа куми" — "и восста девица"» (Д18; т. 13: 206).

Воскресение Лазаря — ключевой эпизод в романе «Преступление и Наказание». Заикаясь, Раскольников утверждает, что верует в Новый Иерусалим и воскресение Лазаря, просит Соню прочесть это место из Евангелия. В эпилоге на Святой неделе, после болезни и физического выздоровления, они встречаются — их воскресила любовь:

«Они хотели было говорить, но не могли. Слезы стояли в их глазах. Они оба были бледны и худы; но в этих больных и бледных лицах уже сияла заря обновленного будущего, полного воскресения в новую жизнь. Их воскресила любовь, сердце одного заключало бесконечные источники жизни для сердца другого.

Они положили ждать и терпеть. Им оставалось еще семь лет; а до тех пор столько нестерпимой муки и столько бесконечного счастья! Но он воскрес, и он знал это, чувствовал вполне всем обновившимся существом своим, а она — она ведь и жила только одною его жизнью!» (Д18; т. 7: 377).

Финал предвещает духовное исцеление героя. Символ этого — Новый Завет, который ему принесла Соня:

«Под подушкой его лежало Евангелие. Он взял его машинально. Эта книга принадлежала ей, была та самая, из которой она читала ему о воскресении Лазаря. В начале каторги он думал, что она замучит его религией, будет заговаривать о Евангелии и навязывать ему книги. Но к величайшему его удивлению она ни разу не заговаривала об этом, ни разу даже не предложила ему Евангелия. Он сам попросил его у ней незадолго до своей болезни, и она молча принесла ему книгу. До сих пор он ее и не раскрывал.

Он не раскрыл ее и теперь, но одна мысль промелькнула в нем: "разве могут ее убеждения не быть теперь и моими убеждениями? Ее чувства, ее стремления, по крайней мере..."» (Д18; т. 7: 377–378).

Намек на будущее оказывается не менее действенным, чем само событие.

В романе «Идиот» враль генерал Иволгин сочиняет своего рода пародию о «воскресении» рядового Колпакова, который умер, был похоронен, но через полгода обнаружился на бригадном смотре «в третьей роте второго баталиона Новоземлянского пехотного полка, той же бригады и той же дивизии!» (Д18; т. 8: 77). Очные ставки, со слов генерала Иволгина, показали, что это тот же самый рядовой Колпаков, но никто не верит лгуну.

Беременность не болезнь, но в жизни и в искусстве роженицы и младенцы подчас умирают.

Шатов радуется рождению сына. Его неверная жена ненавидит себя, Ставрогина и ставрогинского ребенка. Ставрогин истребляет себя, но почему умирают Мари и младенец? В них тоже вселились на погибель бесы? Почему их не испутила жертва Шатова? Впрочем, это вопросы эвклидовского ума, в чем признается Иван Карамазов.

Вопросы читателей остаются без ответа, хотя один из возможных ответов начертан в евангельском эпиграфе романа. Вселившись в стадо свиней, бесы взбесились, бросились в обрыв и утонули.

Кирилов рассказывает великую идею в истории человечества:

«...был на земле один день, и в середине земли стояли три креста. Один на кресте до того веровал что сказал другому: "будешь сегодня со мною в раю". Кончился день, оба померли, пошли и не нашли ни рая, ни воскресения. Не оправдывалось сказанное. Слушай: этот человек был высший на всей земле, составлял то для чего ей жить. Вся планета, со всем что на ней, без этого человека — одно сумасшествие. Не было ни прежде, ни после Ему подобного, и никогда, даже до чуда. В том и чудо что не было и не будет такого же никогда. А если так, если законы природы не пожалели и *Этого*, даже чудо свое же не пожалели, а заставили и Его жить среди лжи и умереть за ложь, то стало быть вся планета есть ложь и стоит на лжи и глупой насмешке. Стало быть самые законы планеты ложь и диаволов водевиль. Для чего же жить, отвечай если ты человек?» (Д18; т. 9: 424).

Атеист Кирилов отрицает чудо, но отвергает и законы природы.

В романах Достоевского действует одна и та же модель творчества. Так, в романе «Братьях Карамазовы» скончался брат Маркел — но утвердился в служении Христу Зосима, старец почил — но восстал Алеша Карамазов, умер Илюша Снегирев — но обрели истину и смысл бытия Алеша и мальчики.

После успения старца Зосимы среди монастырской братии и мирян возникло «нечто необычайное, какое-то неслыханное и "неподобающее"», «даже волнение и нетерпеливое ожидание» (Д18; т. 13: 267). Многие еще при жизни Зосимы считали, что старец свят. Узнав о его кончине, некоторые «захватили с собою больных своих, особенно детей, — точно ждали, уповая на немедленную силу исцеления, какая, по вере их, не могла замедлить обнаружиться» (Д18; т. 13: 267). Возникли суета и волнение, «великое ожидание верующих», что казалось отцу Паисию «несомненным соблазном», которое он осуждал и в то же время сам ему поддавался, «потаенно про себя, в глубине души своей, ждал почти того же чего и сии взволнованные, в чем сам себе не мог не сознаться» (Д18; т. 13: 268). Катастрофа разразилась, когда в келье обнаружился «тлетворный дух» от тела умершего. Почитание сменилось поношением, «ненасытимой злобой», посрамлением праведника.

Автор отмечает, что в православии нетление праведников не догмат, а лишь мнение (см.: «...не догмат же какой в православии сия необходимость нетления телес праведников, а лишь мнение». — Д18; т. 14: 271).

Ревнителю обличают старца:

«... "несправедливо учил; учил что жизнь есть великая радость, а не смирение слезное", — говорили одни, из наиболее бестолковых» (Д18; т. 13: 272).

«... "По-модному веровал, огня материального во аде не признавал" — присоединяли другие еще тех бестолковее. "К посту был не строг, сладости себе разрешал, варение вишневое ел с чаем, очень любил, барыни ему присылали. Схимнику ли чай распивать?" — слышалось от иных завистующих. "Возгордись сидел, — с жестокостью припоминали самые злорадные, — за святого себя почитал, на коленки пред ним повергались, яко должное

ему принимал". "Таинством исповеди злоупотреблял", — злым шепотом прибавляли самые ярые противники старчества, и это даже из самых старейших и суровых в богомолье своем иноков, истинных постников и молчальников, замолчавших при жизни усопшего, но вдруг теперь отверзших уста свои, что было уже ужасно, ибо сильно влияли словеса их на молодых и еще не установившихся иноков» (Д18; т. 13: 272).

Алеша преодолел искушение «тлетворным духом». Его воскресило чудо в «Кане Галилейской», в которой Учитель сотворил радость на свадьбе бедных людей:

«Не горе, а радость людскую посетил Христос в первый раз сотворяя чудо, радости людской помог... "Кто любит людей, тот и радость их любит..."» (Д18; т. 13: 294).

Евангелие оживает в воображении героя: «раздвигается комната», пируют гости, из-за стола встает лежащий во гробе старец, он «зван и призван» на брак, который посетил Христос, к Нему на пир призван и Алексей Карамазов. Он отмечен добрым делом и помыслами, он «луковку сумел подать алчущей», он призван к делу:

«Начинай милый, начинай кроткий дело свое!..» (Д18; т. 13: 295).

В восторге он «вскрикнул и проснулся», выбежал из кельи во двор — над ним «ночь облегла землю», разверзлась красота мира:

«Тишина земная как бы сливалась с небесною, тайна земная соприкасалась со звездною... Алеша стоял, смотрел, и вдруг, как подкошенный, повергся на землю» (Д18; т. 13: 296).

Произошло преображение героя:

«Он не знал для чего обнимал ее, он не давал себе отчета почему ему так неудержимо хотелось целовать ее, целовать ее всю, но он целовал ее плача, рыдая и обливая своими слезами, и иступленно клялся любить ее, любить во веки веков. "Облей землю слезами радости твоя и люби сии слезы твои..." — прозвенело в душе его. О чем плакал он? О, он плакал в восторге своем даже и об этих звездах, которые сияли ему из бездны и "не стыдился иступления сего". Как будто нити ото всех этих бесчисленных миров Божиих сошлись разом в душе его

и она вся трепетала "соприкасаясь мирам иным". Простить хотелось ему всех и за всё, и просить прощения, о! не себе, а за всех, за всё и за вся, а "за меня и другие просят", — прозвене-ло опять в душе его. Но с каждым мгновением он чувствовал явно и как бы осязательно как что-то твердое и незыблемое, как этот свод небесный, сходило в душу его. Какая-то как бы идея воцарялась в уме его — и уже на всю жизнь и на веки веков. Пал он на землю слабым юношей, а встал твердым на всю жизнь бойцом, и сознал и почувствовал это вдруг, в ту же минуту сво-его восторга. И никогда, никогда не мог забыть Алеша во всю жизнь свою потом этой минуты. "Кто-то посетил мою душу в тот час", — говорил он потом с твердою верой в слова свои...

Через три дня он вышел из монастыря, что согласовалось и со словом покойного старца его, повелевшего ему "пребывать в миру"» (Д18; т. 13: 296).

Сцена похорон Илюши символична (см.: [Джексон: 279]). Возле дома, где жили Снегиревы, Алешу поджидают мальчи-ки, «человек двенадцать», столько, сколько и учеников Христа, «во главе их был Коля Красоткин» (Д18; т. 14: 333). Он признается, что готов отдать всё, если бы можно было воскресить Илюшу. В том же сознается и Алеша: «Ах и я тоже» (Д18; т. 14: 337).

После отпевания и погребения Алеша произносит поми-нальную речь у Илюшина камня. В ней очевидны приметы Тай-ной Вечери (см.: [Джексон: 279–295]). Вспоминая о погребении, он согласно призывает детей не забывать Илюшечку и друг дру-га, помнить, «как нам было раз здесь хорошо, всем сообща, соединенным таким хорошим и добрым чувством, которое и нас сделало на это время любви нашей к бедному мальчи-ку может-быть лучшими чем мы есть в самом деле» (Д18; т. 14: 338).

Как учитель и проповедник, Алеша назидает:

«Знайте же что ничего нет выше, и сильнее, и здоровее, и полезнее впредь для жизни, как хорошее какое-нибудь воспоминание, и особенно вынесенное еще из детства, из родительского дома. Вам много говорят про воспитание ваше, а вот какое-нибудь этакое прекрасное, святое воспоминание сохраненное с детства, может-быть самое лучшее воспитание и есть. Если много набрать таких воспоминаний с собою в жизнь, то спасен человек

на всю жизнь. И даже если и одно только хорошее воспоминание при нас останется в нашем сердце, то и то может послужить когда-нибудь нам во спасение» (Д18; т. 14: 338).

Илюша соединил всех в добром и светлом чувстве:

«...вечная ему и хорошая память в наших сердцах, отныне и во веки веков!» (Д18; т. 14: 340).

«Ах деточки, ах милые друзья, не бойтесь жизни! Как хороша жизнь когда что-нибудь сделаешь хорошее и правдивое!» (Д18; т. 14: 340).

Речь Алеши вызвала общий восторг и энтузиазм. В общем го-воре сумел подать голос Коля Красоткин:

«Карамазов! — крикнул Коля, — неужели и взаправду религия говорит что мы все встанем из мертвых и оживем, и увидим опять друг друга, и всех, и Илюшечку?» (Д18; т. 14: 340).

Алеша отвечает, «полусмеясь, полу в восторге», — так возникает диалог:

«Непременно восстанем, непременно увидим и весело, радостно расскажем друг другу всё что было <...>.

— Ах как это будет хорошо! — вырвалось у Коли» (Д18; т. 14: 340).

И Коля, и мальчики клянутся жить «вечно так, всю жизнь рука в руку!» (Д18; т. 14: 340).

Апофеозом звучит хор мальчиков:

«Ура Карамазову! — еще раз восторженно прокричал Коля и еще раз все мальчики подхватили его восклицание» (Д18; т. 14: 340).

Этими словами автор заключает роман.

Рождение, радость, страдание и сострадание, исцеление или смерть суть земная жизнь людей и вымышленное бытие героев романов.

Смерть и воскресение сопряжены. В романах Достоевского умирают одни, воскресают другие герои. Чудо случается не в эмпирическом, а в метафизическом мире. Воображаемое столь же реально, что и явь.

Впервые идею восстановления в человеке человека Достоевский выразил в романе «Бедные люди», сотворив в Макаре Девушкине автора и гения (см.: [Захаров, 2018]). Сам писатель

воскрес дважды: во время казни на Семеновском плацу и по выходе из Мертвого Дома. Восстав из каторги, он воскресил своих героев и читателей. Такова парадоксальная поэтика христианского реализма Достоевского: умирают мертвые, воскресают и укореняются в земле живые.

Такова диалектика неэвклидоваго ума, как в Евангельском эпиграфе романа:

«Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Ин. 12:24).

Врачи не воскрешают умерших. Воскрешает Христос. Воскрешают автор и умершие герои романов. Мертвые воскрешают живых.

Список литературы

1. Борисова В. В. Евангельский текст в русской литературе и Достоевский: итоги и перспективы изучения // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 4. С. 186–208 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1604078344.pdf (15.05.2023). DOI: 10.15393/j9.art.2020.8582
2. Борисова В. В. Биграмммы в терминологическом тезаурусе евангельского текста Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 4. С. 142–160 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1669632356.pdf (15.05.2023). DOI: 10.15393/j9.art.2022.11522. EDN: UXVDZN
3. Борисова В. В. Терминологический словарь-тезаурус евангельского текста Достоевского: результаты корпусного анализа и интерпретации // Неизвестный Достоевский. 2023. Т. 10. № 2. С. 81–112 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1689238963.pdf (15.05.2023). DOI: 10.15393/j10.art.2023.6701. EDN: NGMSEM
4. Борисова В. В., Бучнева Д. Д. Что показывает графовая модель терминологического тезауруса евангельского текста Ф. М. Достоевского // Знание. Понимание. Умение. 2022. № 3. С. 148–158 [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.mosgu.ru/zpu/article/view/1645> (15.05.2023).
5. Борисова В. В., Шаулов С. С. Терминологический тезаурус евангельского текста Ф. М. Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2022. Т. 9. № 2. С. 117–136 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1657603083.pdf (15.05.2023). DOI: 10.15393/j10.art.2022.6122. EDN: LCZGHZ

6. Джексон Р. Л. Речь Алеши у камня: «целая картина» // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. Вып. 7. С. 276–296 [Электронный ресурс]. URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2668> (15.05.2023).
7. Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1995. 287 с.
8. Есаулов И. А. Пасхальный архетип в поэтике Достоевского // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. Вып. 5. С. 349–362 [Электронный ресурс]. URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2526> (15.05.2023).
9. Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности. М.: Кругъ, 2004. 559 с.
10. Есаулов И. А., Тарасов Б. Н., Сытина Ю. Н. Анализ, интерпретации и понимание в изучении наследия Достоевского: коллективная монография / М.: Индрик, 2021. 336 с.
11. Захаров В. Н. Кто гений, кто Шекспир. Из антропологических открытий Достоевского // Русская словесность. 2018. № 2. С. 3–8 [Электронный ресурс]. URL: http://www.schoolpress.ru/products/rubria/index.php?ID=81458&SECTION_ID=4 (15.05.2023).
12. Захаров В. Н. Пасхальный рассказ как жанр русской литературы // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. № 3. С. 249–261 [Электронный ресурс]. URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2403> (15.05.2023).
13. Захаров В. Н. Русская литература и христианство // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. № 3. С. 5–11 [Электронный ресурс]. URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2370> (15.05.2023).
14. Захаров В. Н. Христианский реализм в русской литературе (постановка проблемы) // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2001. Вып. 6. С. 5–20 [Электронный ресурс]. URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2511> (15.05.2023).
15. Захаров В. Н. Сибирская Пасха Достоевского // Ф. М. Достоевский. «Перерождение моих убеждений» / науч. ред. В. Ф. Молчанов, Е. Э. Вишневская. Тобольск: Издательский отдел ТРОБФ «Возрождение Тобольска», 2021. С. 12–19.
16. Захаров В. Н. Госпитальные сцены в «Записках из Мертвого Дома» Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 2. С. 304–323 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1658823847.pdf DOI: 10.15393/j9.art.2022.11083. EDN: YWDWIY (15.05.2023). (a)
17. Захаров В. Н. «Смерть можно будет побороть...» (танатологический сюжет в «Братьях Карамазовых» Достоевского) // Неизвестный Достоевский. 2022. Т. 9. № 4. С. 30–43 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1670693360.pdf (15.05.2023). DOI: 10.15393/j10.art.2022.6361. EDN: ZHBAVO (b)

18. Федорова Е. А. Церковный календарь, евангельский и литургический текст в романе «Подросток» и «Дневнике Писателя» (1876) Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 1. С. 258–282 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1612777253.pdf (15.05.2023). DOI: 10.15393/j9.art.2021.9182
19. Шульц О. Светлый, жизнерадостный Достоевский / отв. ред. В. Н. Захаров; коммент. В. Н. Захарова, А. Е. Кунильского. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1999. 367 с.

References

1. Borisova V. V. The Gospel Text in the Works of F. M. Dostoevsky: Issues and Study Prospects. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2020, vol. 18, no. 4, pp. 186–208. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1604078344.pdf (accessed on May, 15). DOI: 10.15393/j9.art.2020.8582 (In Russ.)
2. Borisova V. V. Bigrams in the Terminological Thesaurus of the Gospel Text by F. M. Dostoevsky. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2022, vol. 20, no. 4, pp. 142–160. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1669632356.pdf (accessed on May, 15). DOI: 10.15393/j9.art.2022.11522. EDN: UXVDZN (In Russ.)
3. Borisova V. V. Terminological Thesaurus of the Gospel Text by Dostoevsky: Corpus Analysis and Interpretation Results. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2023, vol. 10, no. 2, pp. 81–112. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1689238963.pdf (accessed on May, 15). DOI: 10.15393/j10.art.2023.6701. EDN: NGMSEM (In Russ.)
4. Borisova V. V., Buchneva D. D. What the Graph Model of the Terminological Thesaurus Gospel Text by F. M. Dostoevsky Shows. In: *Znanie. Ponimanie. Umenie [Knowledge. Understanding. Skill]*, 2022, no. 3, pp. 148–158. Available at: <https://journals.mosgu.ru/zpu/article/view/1645> (accessed on May, 15). DOI: <http://dx.doi.org/10.17805/zpu.2022.3.13> (In Russ.)
5. Borisova V. V., Shaulov S. S. Terminological Thesaurus of the Gospel Text by F. M. Dostoevsky. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2022, vol. 9, no. 2, pp. 117–136. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1657603083.pdf (accessed on May, 15). DOI: 10.15393/j10.art.2022.6122. EDN: LCZGHZ (In Russ.)
6. Jackson R. L. Alyosha Karamazov's Speech at the Stone and Fyodor Dostoevsky's Concept of the Whole Picture. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2005, issue 7, pp. 276–296. Available at: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2668> (accessed on May, 15). (In Russ.)
7. Esaulov I. A. *Kategoriya sobornosti v russkoy literature [The Category of Sobornost' in Russian Literature]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1995. 287 p. (In Russ.)

8. Esaulov I. A. Easter Archetype in Fyodor Dostoevsky's Poetics. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1998, issue 5, pp. 349–362. Available at: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2526> (accessed on May, 15). (In Russ.)
9. Esaulov I. A. *Paskhal'nost' russkoy slovesnosti [Paskhal'nost' of Russian Literature]*. Moscow, Krug Publ., 2004. 559 p. (In Russ.)
10. Esaulov I. A., Tarasov B. N., Sytina Yu. N. *Analiz, interpretatsii i ponimanie v izuchenii naslediya Dostoevskogo [Analysis, Interpretations and Understanding in the Study of Dostoevsky's Legacy]*. Moscow, Indrik Publ., 2021. 336 p.
11. Zakharov V. N. Who Is a Genius, Who Is Shakespeare? From the Anthropological Discoveries of Dostoevsky. In: *Russkaya slovesnost'*, 2018, no. 2, pp. 3–8. Available at: http://www.schoolpress.ru/products/rubria/index.php?ID=81458&SECTION_ID=4 (accessed on May, 15). (In Russ.)
12. Zakharov V. N. Easter Story as a Russian Literary Genre. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1994, no. 3, pp. 249–261. Available at: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2403> (accessed on May, 15). (In Russ.)
13. Zakharov V. N. Russian Literature and Christianity. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1994, no. 3, pp. 5–11. Available at: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2370> (accessed on May, 15). (In Russ.)
14. Zakharov V. N. Christian Realism in Russian Literature (Problem Statement). In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2001, issue 6, pp. 5–20. Available at: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2511> (accessed on May, 15). (In Russ.)
15. Zakharov V. N. Siberian Easter of Dostoevsky. In: *F. M. Dostoevskiy. "Pererozhdenie moikh ubezhdeniy" [F. M. Dostoevsky. "The Rebirth of My Beliefs"]*. Tobolsk, Obshchestvennyy blagotvoritel'nyy fond "Vozrozhdenie Tobol'ska" Publ., 2021, pp. 12–19. (In Russ.)
16. Zakharov V. N. Hospital Scenes in Dostoevsky's "Notes From a Dead House". In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2022, vol. 20, no. 2, pp. 304–323. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1658823847.pdf (accessed on May, 15). DOI: 10.15393/j9.art.2022.11083. EDN: YWDWIY (In Russ.) (a)
17. Zakharov V. N. "Death Itself May Be Overcome..." (Thanatological Plot in "The Brothers Karamazov" by Dostoevsky). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2022, vol. 9, no. 4, pp. 30–43. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1670693360.pdf (accessed on May, 15). DOI: 10.15393/j10.art.2022.6361. EDN: ZHBAVO (In Russ.) (b)
18. Fedorova E. A. Church Calendar, Gospel and Liturgical Text in the Novel *The Raw Youth and A Writer's Diary (1876)* by Fyodor M. Dostoevsky.

